

КОСТЁР

9

Ж У Р Н А Л

Ц К

В Л К С М

1 9 4 3

ВАЛЕРИЙ ЧКАЛОВ

В 1919 году на Волге, в Нижнем-Новгороде, Валерий Чкалов впервые увидел самолет. И именно тогда, — ему было пятнадцать лет, — он решил, что станет летчиком.

Не сразу удалось поступить ему в летную школу.

Учиться в авиашколе он начал в 1921 году. Через несколько лет, окончив Московскую военную школу авиации, он стал военным летчиком-истребителем.

Летчик - истребитель должен уметь в какую-то бесконечно малую долю секунды то налететь на врага сверху, то кинуться на него снизу, то увернуться от удара противника и, разгадав его маневр, занять новую выгодную для боя позицию. Летчик должен целиться, стрелять то лежа на боку, то вися вниз головой, то падая камнем вниз. И стрелять не в неподвижную цель, а в бешено проносящийся самолет. Таково летное искусство истребителя. И этим искусством в совершенстве овладел Чкалов.

Делать мертвые петли умеет каждый летчик. Но Чкалов мог делать больше двухсот петель — одну за другой. Он никогда не удовлетворялся достигнутым, он не любил обычных ровных полетов. Каждый его взлет был опытом. Он усложнял полет, он снова и снова испытывал и себя и машину.

Чкалов жил в мирное время. И свое замечательное летное мастерство он использовал для того, чтобы испытывать новые машины.

Он говорил: „Работая в мирное время над испытанием новых машин, я ни на минуту не забываю о том, что моя военная квалификация — летчик-истребитель“.

Профессия летчика-испытателя так же увлекательна и требует такого же тончайшего летного мастерства, как и профессия истребителя. Летчик получает новую машину, — на ней еще никто никогда не летал. Авиинженеры строили ее как прочную машину. Но насколько она прочна, какую,

например, скорость падения она способна выдержать, — на эти вопросы должен ответить летчик-испытатель. Он должен так изучить машину в полете, чтобы летчик, который будет летать на ней, знал, как можно вывести самолет из самых трудных положений.

Любовь к продуманному и смелому опыту, любовь к победе над неизвестностью, замечательное летное мастерство, — всё это

сделало Чкалова непревзойденным испытателем новых самолетов.

Воля к борьбе и победе, любовь к неизвестному руководили Чкаловым и тогда, когда он вместе со своими товарищами подготавливал и осуществлял свои знаменитые полеты по Сталинскому маршруту и перелет в Америку через Северный полюс.

Все свои силы, всё свое мастерство Чкалов отдавал Родине. Он говорил, что он очень богат, так как сто семьдесят миллионов человек работают на него, так же, как он работает на них!

В нашей стране наш народ ценит и уважает отвагу, сочетающуюся с мастерством. Вот почему Герой Советского

Союза Валерий Павлович Чкалов стал не только знаменитым летчиком, установившим мировые рекорды. Он стал одним из любимых народных героев.

За всеми начинаниями, замыслами талантливого летчика внимательно следил сам товарищ Сталин и помогал Чкалову осуществлять задуманное. Когда в Кремле обсуждался вопрос о перелете в Америку, товарищ Сталин разрешил перелет при условии: прекратить полет при первой угрозе опасности.

Герой Советского Союза Чкалов был родоначальником многих отважных советских летчиков — сталинских соколов. В бою они продолжают совершенствовать свое летное мастерство, которому Чкалов посвятил свою жизнь, и теперь оно служит для борьбы и победы над ненавистным врагом.

П 29

41a

КОСТЁР

9

Д Е К А Б Р Ь

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЦЕВЛЕСМ ★ 1943 ★ ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

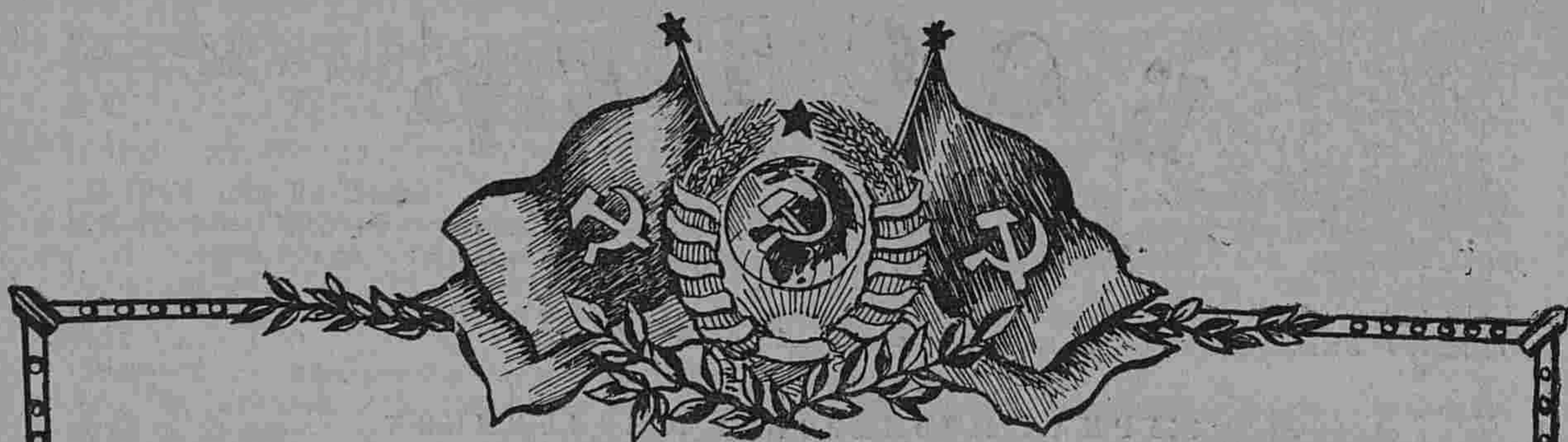
(На песни акынов)

Сталин, мудрый вождь, наш отец родной,
Нас ведет вперед, и его рукой
На века скреплен договор друзей,
И сметет врага сила дружбы той.

Испытает враг грозовой удар.
Пой смелей, акын, пусть и млад и стар
Слышат песнь твою, что резва опять,
Как горячий конь — боевой тулпар.

И от песен тех — от крылатых стай —
Пусть всегда шумит золотой Алтай,
Алатау пусть шлет привет бойцам,
Что идут на бой за великий край.

ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана)

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметём!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!

Славься, Отечество наше свободное,
Славься, народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

★

Организатор великих побед советского народа

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

НЕДОЛГАЯ ДРУЖБА

В. Саянов

Рис. А. Медельского

Уленков тяготился своей славой. Стоило только приехать в полк корреспонденту или фоторепортёру,—сразу же майор Быков вызывал летчика в штаб, и начинались бесконечные расспросы и разговоры.

— Не я один герой,—хмуро говорил Уленков,—вон Зверев вчера немецкий самолёт сбил, а о нём не говорят ни слова.

— О тебе не потому пишут, что ты герой, но потому, что других хотят сделать героями,—рассердился майор.—Прочтут молодые летчики, как ты немцев в небе бьёшь, и сами захотят отличиться...

Уленков сел на краешек стула, разглаживал пилотку и, ни разу не взглянув на корреспондента, начал рассказывать о своем последнем воздушном бое.

Каково же было Уленкову узнать, что скоро в часть приедет художник, который будет писать его портрет для большой московской выставки!

Но Уленков больше не спорил: знал крутой характер майора. Быков и без того сердился и называл Уленкова второстепенцем.

— Ты думаешь, что твои проделки с Мишкой никому неизвестны? — выговаривал лётчику майор. Уленков ничего не мог сказать в ответ. Ведь Мишка всегда после ужина поджидал Уленкова возле палисада.

Так было и на этот раз, когда Уленков проходил с майором мимо медвежонка. Мишка уже начал проявлять нетерпение и решил подшутить над своим благодетелем: подкравшись из-за угла, он бросился ему под ноги, и Уленков упал на траву.

— Вот видишь, — сердито сказал майор, — Мишка так к твоей доброте привык, что теперь уже сердится, если ты с пустыми руками приходишь. Как ему и не любить тебя, если ты сам чуть не впроголодь сидишь и всё ему скармливаешь?

Мишка уселся на траве, облизал черную лапу, заворчал сердито.

— Чтоб этого больше не было! — строго добавил Быков, прощаясь с Уленковым.

В это-то время и заметил Уленков человека в сером пальто, в шляпе, с большой папкой подмышкой, с усмешкой наблюдавшего за медвежонком. Уленков хотел было пройти мимо, но незнакомец протянул ему руку и громким, чуть хрипловатым голосом сказал:

— А я вас сразу по фотографии узнал, товарищ Уленков.

„Неужто это и есть художник?“ — подумал Уленков и, пожимая руку, тихо спросил:

— Вы не художник ли?

— Так точно, — шутливо ответил тот. — Художник Фока Степанович Гладышев. Прошу любить и жаловать. Нам с вами придется недельку поработать вместе.

— Недельки-то свободной у меня не найдется, — смущенно сказал Уленков. — Ведь я ежедневно в полёте...

— И летайте! Мне ведь вас каждый день только часок надобно будет видеть, не более того... А в остальное время я и без вас смогу работать...

На другое утро начался сеанс. Гладышев работал на аэродроме, возле Уленковской машины. И впервые Уленкова не тяготило это внимание. Художник не требовал, чтобы Уленков сидел неподвижно во время сеанса, и, во-вторых, сам Гладышев был неистощимым рассказчиком. За несколько дней Уленков узнал от него много такого, о чем никогда прежде и не думал.

На третий день работы Уленков уже узнал своё лицо на портрете. Работа художника видимо была кончена, и как жаль стало летчику расставаться с этим милым интересным человеком! Но Гладышев объяснил Уленкову, что именно теперь-то и начинается работа, — многое придется переделывать, уточнять и перерисовывать заново. Уленков обрадовался, и снова проводили они дни на аэродроме, возле Уленковского самолёта. Когда Уленков поднимался в небо, Гладышев долго провожал взглядом уходивший в высоту самолёт, махал шляпой, кричал что-то вслед, желая счастья и удачи в полете и предстоящих боях. И Уленкову, когда он шёл на посадку, было приятно среди подтянутых молодых фигур в лётной форме видеть этого пожилого человека в шляпе и сером пальто.

Однажды, после того как Уленков вернулся на аэродром и доложил майору о сбитом им немецком самолёте, Быков приказал Уленкову отдыхать целые сутки. Летчик отправился обедать вместе с художником. После обеда они разговорились.

— Удивительно, до чего за последние месяцы изменилось ваше лицо, — сказал Гладышев. — На прежних фотографиях у вас совсем детское лицо, а теперь, с этой морщинкой на переносице, вы стали совсем другим, возмужали как-то. А для меня это делает работу особенно интересной.

— Я и сам думаю, что повзрослел за это время, — сказал Уленков. — А вот майор Быков иначе судит. Он говорит, будто я все еще второступенец...

И, смущенно улыбаясь, он рассказал Гладышеву о своей дружбе с Мишкой и совершенно неуголимом пристрастии медвежонка к сахару и прочим вкусным вещам. Гладышев пошел вместе с Уленковым к будке, где спал медвежонок. Мишка вылез из будки, облизал руки Уленкову и, лениво позевывая, потрогал лапой его карманы. Но карманы были пусты, и Мишка сразу помотал головой, как обиженный ребенок, и забился в свою будку. Никакие призывы Уленкова не могли уже его выманить обратно.

— Погуляем? — спросил Уленков.

— С превеликим удовольствием, — ответил Гладышев. — Мне хочется ходить, ходить, двигаться, чтобы согреться. Лихорадка иногда трясет, среднеазиатская, захватил ее еще в гражданскую войну.

— Вы на германской войне были? — спросил Уленков.

— С самого начала. Тогда и рисовать начал. Как-то стояли в Самарканде, спектакль ставили, а декорации рисовать было

некому. Нарисовал! С тех пор и не выпускаю из рук кисти.

— Интересная у вас, видно, жизнь была, — тихо сказал Уленков.

— Что может быть интересней вашей? — вздохнул Гладышев. — Комсомолец, восемнадцатилетний юноша, а стал одним из самых известных летчиков России. А я вот сижу на аэродроме, вожусь со своим холстом, попросту сказать, в совершеннейшей безопасности.

— Вы — ленинградец, — строго сказал Уленков, — и, значит, рискуете жизнью не меньше меня. А в небо нельзя же вам в пятьдесят лет подыматься.

Они долго гуляли по взморью. Белые ночи кончались. Дымка над заливом становилась всё темней, и на звездах был какой-то странный синеватый отлив. Ноги вязли в прибрежной глине. Волны с гулом набегали на мол. Где-то на дальнем аэродроме пускали сигнальную ракету. Вспышки артиллерийских выстрелов прорезали на мгновение темное низкое небо. Это били немцы по Ленинграду из дальнобойных.

— Давим мы эти батареи, — сказал Уленков. — Трудная, опасная работа, но наши штурмовики ее выполняют отлично.

— А вам не приходилось самому налетать на них?

— Приходилось — и не раз. Прикрывал штурмовиков...

Вернулись они домой поздно, часу в двенадцатом, и долго еще разговаривали при свете керосиновой лампы. А через два дня Гладышев, закончив работу, прощался с Уленковым. Художник был доволен портретом.

— Я слово с вас возьму, — сказал Гладышев, — что, как только в Ленинград приедете, обязательно ко мне в мастерскую зайдёте. Я еще хочу с вас несколько набросков сделать. И старые свои работы вам покажу...

— Обязательно приеду, — сказал прощаясь Уленков. — Я к вам привык, и мне без вас скучно будет...

Прошел месяц. Уленков всё никак не мог выбраться в город. А в одну темную ночь майор Быков неожиданно сказал ему:

— Еду в Ленинград. Хочешь со мной поехать? Четыре часа в твоём распоряжении. Машину дам тебе, и ты на ней сможешь весь город объехать...

Они выехали с аэродрома вечером. Мутные тучи заволокли небо, шёл дождь, на ветру гудели деревья старинного парка. Быков и Уленков промолчали всю дорогу. Они знали, что завтра будет напечатано сообщение о присвоении гвардейского звания их полку, и они стеснялись показать друг другу свою радость.

— Стало быть, к этому месту — и ровно в двенадцать, — сказал Быков.

— Точно, — ответил Уленков, и автомобиль рванулся вперед сквозь ветер и дождь.

Где-то вдалеке послышался разрыв снаряда, за ним второй, третий. Немецкая дальнобойная артиллерия била по городу. Громкоговорители на площадях и перекрестках приказывали населению укрыться, прекратить движение. Автомобиль подъезжал к улице, на которой жил Гладышев. Вдруг

впереди машины, в угловом доме, взорвался снаряд, густое облако дыма, пыли, обломков поднялось над улицей. Обломком кирпича пробило стекло в кабине, и стекло поцарапало щеку Уленкову. Приказав шоферу завести машину во двор ближайшего дома, Уленков пешком пошёл к дому Гладышева. В стене зиял огромный пролом. Битое стекло хрустело под ногами. Уленковым овладело тяжелое предчувствие. Торопясь, почти бегом поднялся он по лестнице в пятый этаж. Дверь в Гладышевскую квартиру была открыта. Дворник и милиционер стояли у входа.

— Что случилось? — спросил, задыхаясь Уленков.

— Убит, — тихо проговорил дворник. — Осколком выбило стёкла, и его прямо в висок.

Уленков вошел в комнату. На битом стекле, раскинув руки, лежал недвижимо Гладышев. Лицо его было залито кровью, ворот рубахи разорван. Он лежал у стены, на которой висел портрет Уленкова. Осколок продырявил холст внизу, но портрет был цел. Вглядевшись внимательней. Уленков увидел на портрете большое темное пятно: кровь Гладышева.

Темное пятно на портрете напоминало о дружбе двух людей, так не походивших друг на друга. И эту недолгую дружбу оборвал фашистский снаряд. Долго стоял Уленков. Потом он взял портрет и вышел из комнаты.

В двенадцать часов летчик встретил Быкова.

— Ты что? — удивленно спросил майор. — Лица на тебе нет. И почему портрет свой забрал у художника?

Не сразу мог Уленков рассказать о случившемся. А на завтра вместе с штурмовиками летчик вылетал уже на подавление бивших по городу немецких батарей.

ГОЛОВОЛОМКА „МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ“

На квадрате в 16 клеток расположите числа от 1 до 16 так, чтобы сумма четырех чисел по горизонтальным рядам, по вертикальным рядам и по обоим диагоналям равнялась 34.

На четырех внутренних клетках квадрата уже поставлены числа 6, 7, 10 и 11.

Эта головоломка имеет другое решение; тогда на внутренних клетках ставятся числа 5, 9, 12, 8.

	6	7	
	10	11	

ДРУГ ДЕТЕЙ

Н. Штейнварг

С Сергеем Мироновичем Кировым нам, работникам Ленинградского дома художественного воспитания детей, приходилось встречаться не раз. Но особенно много встреч было в 1934 году — в последнем году его жизни. Сергей Миронович задумал тогда большое, замечательное дело, осуществить которое должны были мы сообща.

Однажды в начале 1934 года Сергей Миронович вызвал нас к себе в Смольный. Разговор происходил у него в кабинете, длился он долго — больше двух часов.

Киров говорил, что народ наш способный, талантливый. Значит, пока человек молод, нужно, чтобы он мог развивать и совершенствовать свои способности. Кто, например, из детей рабочих до революции мог мечтать об игре на рояле или скрипке? Единицы. А теперь изучение серьезной музыки должно быть доступным каждому одаренному ребенку. Это наш долг, наша обязанность.

Мы говорили на эту тему долго. И Сергей Миронович посоветовал, что нужно делать на первых порах: создавать музыкальные кружки в школах и детские коллективы художественной самодеятельности, подыскать для ребят опытных, знающих педагогов, которые по-настоящему любят искусство.

В том же году Киров задумал устроить в Ленинграде конкурс юных дарований, чтобы выявить всех одаренных детей. Знаете, сколько собралось на него ребят? Тридцать шесть тысяч! Музыкантов, певцов, танцоров, чтецов, художников...

После конкурса были созданы районные дома школьника и пионера, районные дома художественного воспитания детей и Детский дом культуры.

К концу 1934 года работало больше ста одних фортепианных кружков. Года через полтора — два был создан детский симфонический оркестр, — в нем было семьдесят юных оркестрантов. А ведь до этой беседы с Сергеем Мироновичем в Ленинграде существовал всего-на-всего один Дом художественного воспитания детей.

Этот почин Кирова подхватили Москва, Харьков, Минск, Ростов и много других городов.

Прошло девять лет со времени конкурса — первого смотра детской самодеятельности. Но этот обычай, этот наказ Кирова живет до

сих пор. Каждый год происходят у нас в Ленинграде олимпиады детского творчества. Даже во время войны и блокады в Ленинграде в 1942—1943 годах вы могли участвовать в такой олимпиаде.

Нам вспоминается другая встреча в июне того же 1934 года. Солнечный жаркий день. Кировские острова разукрашены флагами, гирляндами.

Над парком стоит гул. Но ухо различает в нем то густой бас трубы, то взрыв смеха, то визг свистульки, то гром аплодисментов. Я с несколькими сотрудниками стою у ворот. Мимо нас спешат школьники, оживленные, нарядные. Еще бы! Вчера закончился учебный год, а сегодня их праздник. Здесь ожидало их множество самых разных развлечений на любой вкус: театр и цирк, кино и концерты, танцы и игры, карнавальные процессии и смешные аттракционы.

К нам подходит Сергей Миронович, здоровается с нами и спрашивает:

— Ну, а меня без билета пропустите?

Вопрос задан в шутку. Мы-то отлично знаем, что не только мысль об устройстве этого первого массового школьного праздника принадлежит Кирову. Он — организатор этого веселого праздника. Он просматривал все наши планы, советовал, как и что сделать, вникал во все подробности. Сколько раз он справлялся, достаточно ли оркестров, актеров, фокусников, затейников. Он ездил раза три на острова, чтобы самому видеть, как идет подготовка. Если возникали у устроителей праздника трудности, он помогал нам их устранять.

Не спеша проходит Сергей Миронович в парк. Около него уже целая стайка детей. Он шутит, разговаривает с ними и радуется их веселью...

Закончится война, и ленинградские школьники снова соберутся на свой ежегодный веселый праздник — на Кировских островах, как это было при жизни Сергея Мироновича.

Сергею Мироновичу принадлежит и мысль об устройстве военизированных пионерских походов за городом. В августе 1934 года три тысячи пионеров отправились на Сиверскую, чтобы участвовать в военно-тактической игре. Все участники похода принад-

лежали к одной из двух „армий“: к красным или синим. Ребята были одеты в особые военные костюмы, оружие у них было деревянное, у каждого имелось необходимое походное снаряжение — котелок, лопата и прочее. Были среди участников и свои командиры и политработники, были разведчики и связисты — словом, все как полагается. Даже самая настоящая походная кухня следовала за армией.

Походы, ночные марши с ночевкой у костров, поиски разведчиков, наступления, бои, даже дымовые завесы, — все это было если не совсем так, как на настоящей войне, то почти так, как на настоящих маневрах. Три дня продолжалась эта увлекательная игра.

Три дня обе стороны напрягали свои силы, чтобы завладеть знаменем противника. Обе армии оказались на высоте: ни „красные“, ни „синие“ не отдали своего знамени. Игра закончилась вничью. Но участники похода многому научились за эти три дня.

Сергей Миронович Киров никак не мог поехать с нами на Сиверскую. Но он встретил нас на площади Урицкого, куда все мы походным маршем прошли прямо с поезда.

Кирова называют другом детей. Действительно, это был друг, чуткий, внимательный, заботливый. Таким знали его ленинградские дети. Таким знали те, кому выпала честь помогать Сергею Мироновичу проводить в жизнь его замечательные начинания.

ТРИ ВСТРЕЧИ

(Из воспоминаний о встречах детей с Сергеем Мироновичем Кировым)

Первый раз октябренок Володя Матусов увидел Кирова в Филармонии на конкурсе юных дарований. Володя стоял на сцене и подражал разным звукам: жужжанью пилы, хрипу испорченного патефона. А Киров сидел в третьем ряду и слушал.

В перерыве Киров подозвал Володю к себе и усадил рядом.

— Ну, расскажи: как ты учишься?

Володя сказал:

— У меня два „отлично“ и четыре „хор“, а потом всё „уды“.

Киров заинтересовался: как Володя научился подражать звукам?

Володя научился этому еще тогда, когда вся семья Матусовых жила в Детском Селе. Квартира была недалеко от станции. Каждый день Володя помногу раз слышал, как гудят паровозы, как они шипят, выпуская пар, как стучат колесами на ходу. Володя прислушивался к пению петухов и куриным „разговорам“ и стал им подражать.

Обо всем этом он и рассказал Кирову. Сергей Миронович внимательно слушал, улыбался и спросил, как ему живется.

— Мы живем хорошо. И комната у нас большая. Но все-таки тесно. У меня четыре брата и маленькая сестра Рита. Ей пять лет. Потом мама и няня. Вот сколько!

Киров сказал, что он поможет им найти другую квартиру, где не будет так тесно.

В это время подошел старший Володин брат Толя и позвал его на сцену. Там фотограф снимал всех конкурсников.

Володя встал.

— До свидания, дядя Киров!

— Ну, до свиданья, Вова! Ты не забывай меня, приходи в гости! Вот приди с мамой ко мне в Смольный.

Вова протянул руку и пошел сниматься с товарищами.

Второй раз Володя встретился с Кировым через несколько месяцев, во время каникул. Это было так.

Матусовы получили по почте открытку. Мать прочла ее. „Просьба зайти к товарищу Кирову 29 июля с. г. от 11 до часу дня в Смольный, комната 502“.

29 июля Володя с мамой поехали в Смольный. У коменданта уже лежал для них пропуск. Они поднялись по лестнице и вошли в кабинет Кирова.

Когда Киров увидел их, он улыбнулся, встал из-за стола и пошел навстречу.

— Здравствуй, Вова! Ну, вот ты у меня в гостях! Здравствуйте! — он поздоровался с Володиной мамой. Потом взял Володю за руку, повел к креслу и усадил к себе на колени.

— Как ты теперь учишься?

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

Володя сказал:

— Я учусь хорошо, дядя Киров.

— А я слышал, что у тебя есть один „неуд“.

— Ну да!.. У меня нет „неудов“.

— Да как же нет, а мне передавали, что есть!— говорил Киров и смеялся.

А Володя снова:

— Нет у меня „неудов“.

— Ну, ладно. И хорошо, что нет! А теперь ты мне расскажи о себе, Вова, хочешь ли учиться музыке и звукоподражанию?

— Музыке я хочу учиться,— ответил Вова,— а подражать звукам и сам выучусь.

— Тебе, Вова, обязательно нужно поступить в художественную школу,— сказал Киров.

Тут в кабинет к нему вошел какой-то человек с бородкой. Он поздоровался с Володей и его мамой, сел и тоже стал говорить.

Володя подошел к окну и увидел Неву. Он засмотрелся на пароходик, который тащил баржу с песком. О чем говорили мама и Киров, Володя не слышал.

Вдруг мама окликнула его:

— Вовочка, одевайся, сейчас поедем домой.

Володя пошел одеваться. Его пальтишко лежало на диване.

Киров сказал:

— Ну, Вова, приезжай еще, не забывай меня!

— Хорошо, дядя Киров! Приеду.

Киров пожал Володе руку, похлопал его по плечу и весело сказал:

— Не унывай, Вова, учись!

Вова с мамой спустились по лестнице, толкнули дверь, которая вертится, и вышли на асфальтовую дорожку.

В третий раз Володя видел Кирова через месяц или больше. Это было в конце каникул. Вместе с мамой он снова поехал в Смольный.

Поднимаются по ступенькам, чтобы войти в дверь, которая вертится, и вдруг смотрят: из нее выходит Киров. Он был в летнем расстегнутом плаще и в фуражке защитного цвета. Из-под плаща виднелась гимнастерка.

Киров сразу узнал своих знакомых:

— Здравствуй, Вова! Здравствуй!

Первый вопрос Кирова был:

— Ты уже поступил в художественную школу?

Володя ответил, что еще нет.

— А как ты сейчас в своей школе учишься?

— Дядя Киров, да ведь у нас сейчас каникулы.

Киров рассмеялся, взял Володю за руку, и втроем медленно пошли к автомобилю.

Пока шли, Киров спрашивал Володю, как он ведет себя; потом спросил маму:

— А другие ваши дети тоже умеют подражать звукам, как Вова?

Володина мама сказала, что нет. Зато они другое умеют: Риточка поет, а Алик рисует.

Киров расспрашивал, как дети питаются, и обещал помочь.

Это обещание Киров выполнил так же, как и первое: помочь найти квартиру. Для Матусовых уже были готовы две больших комнаты в новом доме.

Подошли к автомобилю. Кирову надо было куда-то уезжать, и он не мог долго оставаться.

Попрощались. Машина поехала. Киров обернулся и помахал Володе рукой. Эта была последняя встреча.

Н а ш а Б а л т и к а

Мы, балтийцы, сыны моря,
Вот наш боевой наряд:
Бескозырка и тельняшка
И распахнутый бушлат.

Как пойдем лупить мы фрицев,
Как запустим автомат,
И во славу всех балтийцев
Отомстим за Ленинград.

Нам граната — мать родная,
Брат родимый — автомат,
Бескозырка и тельняшка
И распахнутый бушлат!..

Б. Славнитский,
ученик 2-го класса 367 школы.

„Вот, братцы, что значит воинское обучение!“

Степана Новикова можно было назвать бывалым солдатом. Только раздастся команда: „Пли!“, он уже прицелился, выстрелил, и враг лежит недвижимый. Услышит солдат команду: „Коли!“, ринется со штыком наперевес, — не уйти противнику живому.

А всё потому, что солдат Степан Новиков долгие годы служил под начальством самого Суворова. Служить у Суворова — значило учиться. И на войне, и в мирное время. Зато крепко, назубок запомнил Степан Новиков суворовские поучения: „Науку побеждать“.

В 1787 году пришлось Степану Новикову служить в той дивизии Суворова, что защищала крепость Кинбурн. Это была очень важная крепость. Стояла она на берегу Черного моря: ее пушки отгоняли вражеские корабли. Кто этой крепостью владел, тот владел всем Черноморским побережьем — от Дуная до самого Крыма.

Турки задумали захватить крепость Кинбурн. Подошли неприятельские войска, — и их было много, очень много. Стали они пушки свои на крепость наводить, войска расставлять, готовиться к штурму. Но Суворов их опередил. Сам он верхом на коне вел своих солдат на врагов.

„Ура!“ — закричали русские солдаты и двинулись в атаку. Рядом во весь опор помчались русские казаки, с саблями наголо, с пиками наперевес.

Столкнулись противники на Кинбурнской косе — узенькой полоске земли, что в море вклинивается.

Визжит картечь, свистят ядра, трещат ружейные залпы, звенят сабли... Храбро дерутся противники, никто не отступает.

В самый разгар боя упал Суворов. Его лошадь убило осколком ядра, а самого Суворова ранило

пулею. Упал Суворов, а кругом вражеские всадники. Увидел солдат Степан Новиков: его любимому генералу угрожает смертельная опасность. И бросился на помощь.

Трудно биться одному солдату со множеством врагов. Но не растерялся Степан Новиков. Ведь он хорошо знал „Науку побеждать“. В ней было сказано: „Одного заколи, другого застрели, третьему штыком карачун!“

„Ура!“ — крикнул солдат и ударил штыком ближнего врага. Потом выстрелил в упор в неприятельского всадника. Заколот еще одного.

Степан Новиков не раздумывал, как верней всего поразить неприятельских солдат: штыком, прикладом или кулаком. „Быстрота и натиск“, — так учил его Суворов. Так и поступал теперь солдат.

Но вот на миг перевел он дух, оглянулся и видит: врага и след простыл.

Тут солдат Степан Новиков помог Суворову подняться. Тем временем подоспел казак Кутейников, — перевязал он генерала, потом уступил ему своего коня.

Не удался неприятелю штурм Кинбурна. Не могли враги устоять под ударами солдатских штыков и казачьих пик. Сбились они на Кинбурнской косе и сдались.

Прошло несколько дней. Вот перед строем своего полка солдат Степан Новиков получает орден — награду за спасение Суворова.

Товарищи Новикова отдают герою честь ружьями, офицеры салютуют ему шпагой. Сам Суворов с улыбкой смотрит на храбреца.

Если бы солдату в те времена полагалось речь держать, наверное Степан Новиков сказал бы словами „Науки побеждать“: „Вот, братцы, что значит воинское обучение!“

★

Иван Бочок и его котелок

(Сказка)

Пришел час обеда. Хватился Иван Бочок: где же мой котелок?

Подскочил во злости до потолка, — нет котелка! Он и под лавку, он и под стол, ушел котелок-непоседа. Сидеть Бочку без обеда. Пошел котелок мыться, потому хозяин у котелков бывает разный: который — чистый, который — грязный. У одного котелок — в порядке, а у другого в котелке — от ста каш остатки, да от сорока щей, да от двухсот борщей, да грязи кило полтора, — и решил котелок, что самому помыться пора.

Бежит Бочок по дороге, свищет, свой котелок ищет, вдруг видит — ручей, а в ручье котелок-то чей? Тот самый — Бочка!

Ну, не узнать котелка: лежит в воде, — старается, звенит, кряхтит, умывается...

Бочок рукой его — хват, потому должна же вещь свое место знать, а котелок как звякнет, да как по лбу хозяина брякнет и прочь полетел...

— Погоди, пострел! — завопил Бочок вдогонку котелку, споткнулся и — на полу в землянке проснулся.

Глянул на полку, стоит там его котелок черный, грязный, вид — безобразный.

— Ах, чтоб тебе! — воскликнул Бочок.

Хвать котелок — и в ведро.

И то дело.

Как видно, совесть парня заела...

Я там побывал, чистый котелок видал, Бочок из него кашу едал, по усам не текло, а в рот попало...

А. Флит

Данша Кузьмич

„В больших сапогах, в [полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!“

Немножечко меньше их, чем Ивановых,
Но все-таки много на свете Смирновых:
Смирновы-врачи и Смирновы-шоферы,
Радисты, артисты, танкисты, шахтёры,
Швецы, кузнецы, продавцы, звероловы,
Смирновы-певцы и портные Смирновы.
Есть дети Смирновы и взрослые тоже,
И все друг на друга ничуть не похожи:
Веселые, мрачные, добрые, злые,—
Смирновы—такие, Смирновы—сякие.

Один из Смирновых попал в эту книжку.
Приехал я раз в небольшой городишко,
На карте отмечен он маленькой точкой,—
Географ ему не поставил кружочка.
В том городе были: аптека и баня,
Больница и школа, и парк для гулянья.
Некрасова улица, площадь Толстого,
Базар и вокзал пароходства речного.
Но самое главное в городе этом
Был выросший за год и пущенный летом,
Кругом огорожен стеной здоровенной,
Завод номерной. Очень важный. Военный.
Из непробиваемой пулями стали
В три смены он делал для танков детали.
И я вам хочу рассказать про Смирнова,
Который вставал в половине шестого,
Который, с трудом подавляя зевоту,
Садился в трамвай и спешил на работу,—
Где восемь и десять часов, если надо,
Работал как мастер шестого разряда.

Я шел по заводу, вдруг слышу: „Здорово!“
Вот так в первый раз я услышал Смирнова.
— Здорово! — хотел я кому-то ответить,
Кого не успел еще даже заметить.
„Что ходишь? Что смотришь?“ — слышалось снова,
И тут в первый раз я увидел Смирнова.

Я знал, что бывают какие-то гномы,
Которые людям по сказкам знакомы.
Я помню, что слышал однажды от сына,
Что жил человечек смешной — Буратино,
Которого ловкий топор дровосека
Из чурки простой превратил в человека.
Но в жизнь своей не встречал я такого,
Как этот Смирнов, человечка живого!
В большой, не по росту, казенной тужурке,
В огромной ушанке из кроличьей шкурки,
В таких сапожищах, что я испугался,—
Стоял человечек и мне улыбался.
— Как звать? — я спросил.
„По работе, кто знает, —
Ответил малыш, — Кузьмичем называет.
Смирновым Кузьмой был покойный папаша,
Данила Кузьмич — будет прозвище наше.“

— А сколько вам лет? — я спросил у Смирнова.
„Четырнадцать минуло двадцать восьмого“, —
Сердито ответил он басом солидным
(Должно быть, вопрос показался обидным).
— Да ты не сердись! —

„А чего мне сердиться? —
Кузьмич отмахнулся большой рукавицей. —
Таких-то немало у нас на заводе.
И ростом другие поменее вроде!“

Мы шли с Кузьмичом корпусами завода.
И нас проверяли у каждого входа,
У каждого выхода нас проверяли, —
Мы оба свои пропуска предъявляли.
— Куда мы идем? — я спросил у Смирнова,
Но я из ответа не понял ни слова.
Гудели динамо — жуки заводные,
Шуршали, как змеи, ремни приводные.
И масло машинное ниголкой тонкой
Тянулось без устали над шестеренкой.
И падали на пол, цепляясь друг к дружке,
Витые, стальные, блестящие стружки.
И нужные танку стальные детали
Со звоном одна за другой вылетали.
И вот, наконец, мы дошли до плаката:

**„БЕРИТЕ ПРИМЕР СО СМИРНОВА, РЕБЯТА!
В ТЫЛУ НЕ РАСХОДИТСЯ ДЕЛО СО СЛОВОМ,
НА ФРОНТЕ ТАНКИСТЫ ГОРДЯТСЯ СМИРНОВЫМ!“**

А сам мужичок-с-ноготок знаменитый
По шумному цеху шагал деловито.
И кто мог подумать, что в эту минуту
Его вспоминали в сражении лютом!
Смирнов по-хозяйски зашел за решетку,
Умело взял в руки железную щетку,
Протер этой щеткой поверхность металла,
Как зеркало, сразу она засияла.
— Включайте рубильник. Готово?

— Готово! —

И я за работой увидел Смирнова.

И понял я, что никакой Буратино
Не смог бы стоять возле этой машины.
И что никакие волшебники-гномы,
Которые людям по сказкам знакомы,
Которые силой чудесной владеют,
Творить чудеса, как Смирнов, не сумеют.
И я, человек выше среднего роста,
Себя вдруг почувствовал карликом просто.

Прославим же юного мастерового:
Ткача, маляра, кузнеца и портного,
Сапожника, токаря и столяра.
Даниле Смирнову и прочим — „УРА!“

МОЛОДЫЕ МЕТАЛЛИСТЫ

Есть на Васильевском острове переулок, узкий и тесный, он, будто щель, ползет между домами, упираясь в широкие деревянные ворота.

Здесь живут воспитанники самого большого ремесленного училища металлистов в Ленинграде.

Весной сорок второго года Ленинграду после суровых испытаний первой военной зимы, понадобились люди, умеющие обращаться с металлом. А таких людей было мало. Кто уехал с заводами в тыл, кто ушел в армию или во флот, кто погиб на своем трудовом посту. Но в Ленинграде были воспитанники ремесленных училищ. И они должны были взяться за работу.

В апреле сорок второго года, после зимнего перерыва, воспитанники училища вошли в мастерские. Всю зиму большие, когда-то шумные комнаты стояли пустыми. Куски необработанного металла валялись на полу, на станках — недоделанные детали, ключья пакли. Старые фрезы и покоробившиеся шаблоны ржавели по углам. Кое-кто неуверенно потрогал приводные ремни. Смазанные густым слоем застывшего тавота станки не поддавались. И металлисты приуныли.

Но прошло совсем немного времени, и от недавнего уныния не осталось и следа. С ведрами, тряпками, щетками бегали ребята по запущенным мастерским. Они чистили и мыли, скребли и терли, пока не заблестели окна, полы, инструменты. И всё стало таким чистым, будто новеньким.

Когда всё было готово, получен был заказ. Это была настоящая работа, ответственная и почетная. Каждому ученику не терпелось начать работать.

Увы! Многих ждало разочарование. В то время как слесари и механики уже взялись за отделку и сборку деталей, токари решительно не знали, что им-то делать. Токарные станки, большие и тяжелые, работают от электрического привода, подачи же энергии еще не было. Кое-кто попытался ножным приводом пустить в ход свой станок. Это потребовало огромных усилий. Но таким путем удавалось выполнять лишь самые простые операции. И вот Володя Юдаков, еще недавно ученик токарной группы, а теперь мастер, с тревогой заметил, что работа учеников срывается, а они бессильны что-либо сделать.

Не зная еще, на что решиться, Юдаков подозвал бригадира группы — своего закадычного друга Павлушу Кухнова. Никто не слышал, о чем говорили друзья. Этот раз-

говор кончился тем, что юноши ушли разыскивать кладовщика. Когда токари явились на следующее занятие, они нашли в мастерской аккуратно разложенные напильники, лерки, метчики, привинченные к столам тиски.

— Да ведь это ж слесарный инструмент! — не то удивились, не то обиделись токари.

— Ну, и что ж, что слесарный? — возразил Кухнов. — Слесари какой важный заказ выполняют, а нам сложа руки сидеть?

Никто опомниться не успел, как Юдаков зажал в тиски блестящий брусок и начал его спиливать. Ребята растерянно следили за его движениями. Но многие последовали его примеру.

— Мы их ещё на соцсоревнование вызовем, — сказал бригадир, подмигивая Юдакову.

— А почему бы и нет?

— Токари слесарей?!

— А если и вправду?

Назавтра на стене появился искусно выписанный плакат:

„Токарная группа вызывает четвертую слесарно-механическую на соцсоревнование и обязуется...“, — читали слесари, пожимали плечами и отходили. Никто не верил, что токари всерьез решили тягаться со слесарями, настоящими специалистами.

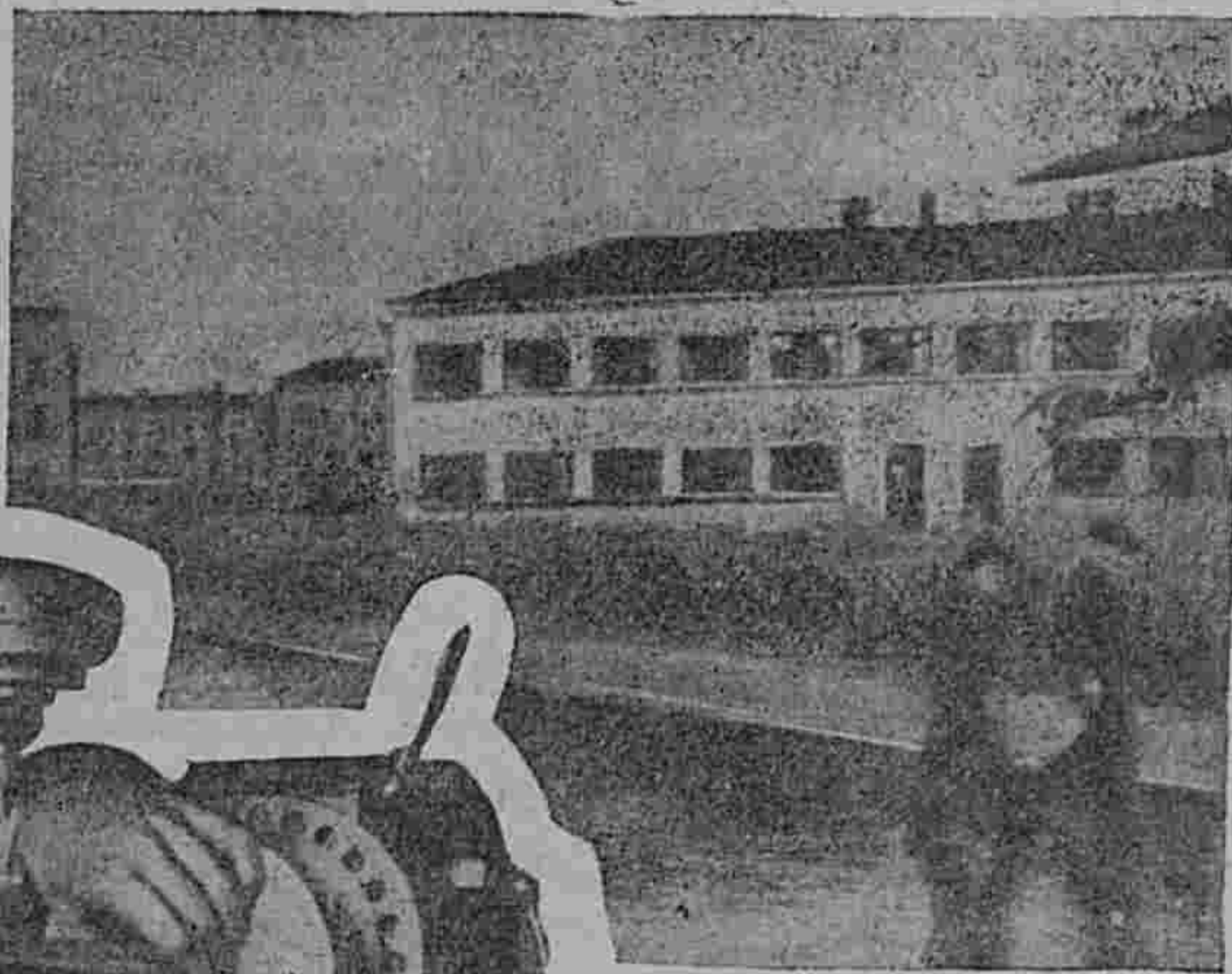
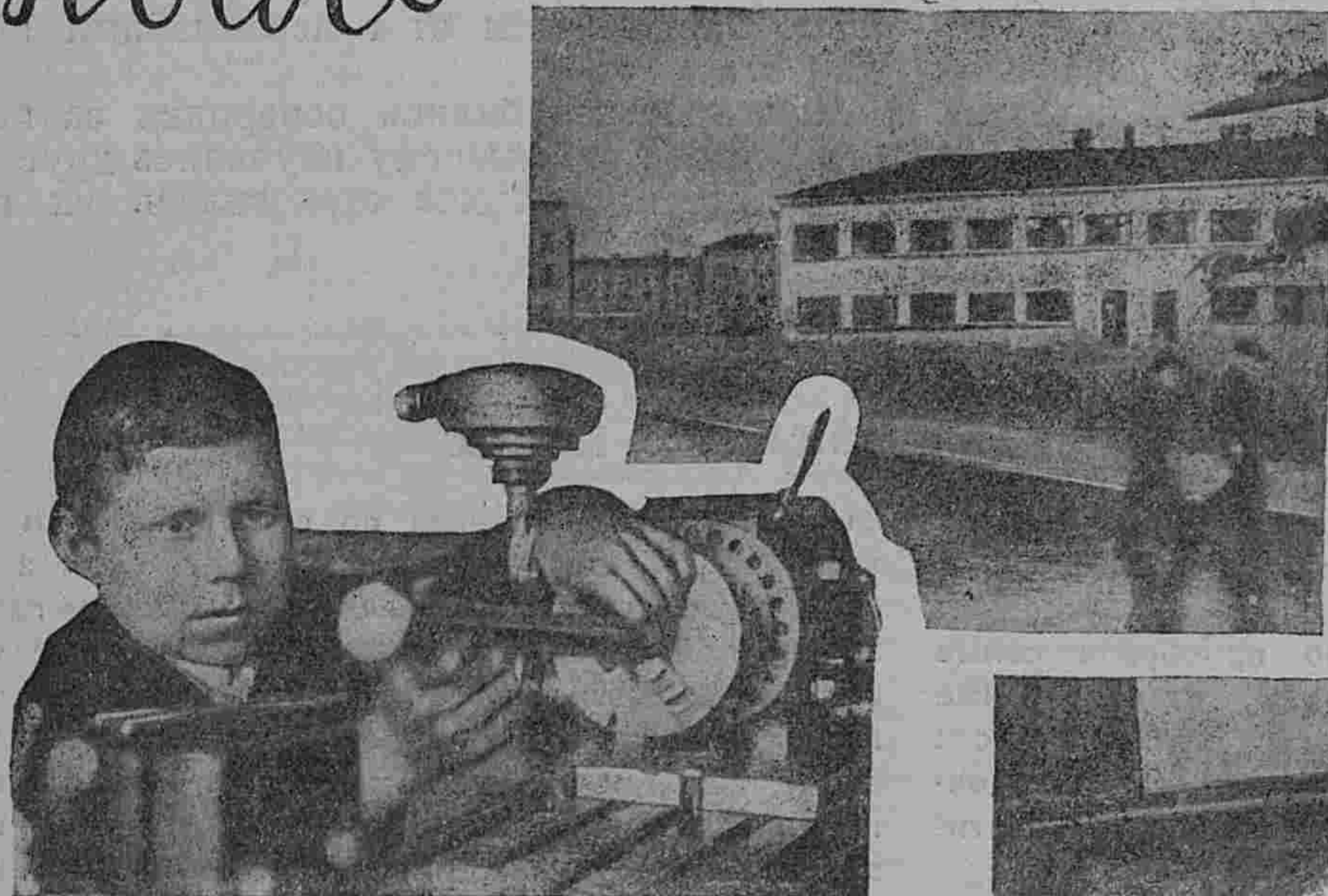
Но вскоре оказалось, что токари не шутят и обгоняют „настоящих специалистов“. Последние, как будто бы не сговариваясь, налегли на работу. На самом деле их незаметно подбадривал и подзадоривал комсомольский актив.

Однако без знаний работа не идет, как ни старайся. Недаром токари вставили в свое обязательство, — теперь-то его прочли все! — пункт: „По теории средний балл не ниже четырех с половиной“. А как раз с теорией четвертая слесарная группа была не в ладах. Ее бригадир, Ваня Афанасьев, созвал ребят и предложил подтянуть отстающих.

Дело не сразу пошло на лад: задание слесарей действительно было сложным. Они собирали в одно несколько деталей, которые надо было покрыть одной общей фасонной крышкой и в ней просверлить несколько отверстий для скрепляющих болтов. Отверстия же, разумеется, должны были отвечать просветам в других деталях; допуск, — то есть отклонение от предусмотренных размеров, — разрешался всего на одну единственную сотку. А сотка — это толщина тетрадного листа.

Бригадир с тоской выводил скромную цифру дневной выработки — 99%; у Юдакова — 115%. Но Афанасьев решил не сдаваться и за-

После трудового дня

В Ленинграде для подростков, работающих на фабриках и заводах, существуют особые оздоровительные санатории.

Ребята приходят сюда сразу по окончании трудового дня.

Весело и оживленно за ужином. В часы перед сном каждый находит себе развлечение по душе: кино, рояль, пение, игры и прочее.

Врачи санаториев следят, чтобы ребята поправились, набрались сил. А рано утром, когда еще юные рабочие мирно спят, нянечки заботливо готовят им завтрак.

На этих снимках вы видите отдыхающих подростков в одном из оздоровительных санаториев.

сел за черчение. Что-то мерил, высчитывал, снова брался за треугольник. Он конструировал приспособление — сложный шаблон или своего рода форму. Когда чертеж был готов, началась новая беда. Изготовить приспособление оказалось труднее, чем самую крышку. Не говоря уже о предельной точности, которой пришлось добиваться, надо было подобрать материал, способный выдержать термическую обработку; словом, не раз и не два сызнавать начинать почти доделанное. Над изобретателем стали смеяться.

Афанасьев сердился и цедил сквозь зубы:

— Пусть!.. Пусть неделя, две пройдут, но производство налажу. Узнают тогда токарки, как нас, слесарей, вызывать!

Это было упрямство, но упрямство хорошее, комсомольское, и, в конце концов, юноша добился своего. Когда он выполнил чертеж, его группа задала такого жару, что пришел черед токарей усомниться в победе. Так начался этот необычайный поединок.

Чем яростнее бились соперники за первое место, тем большему научались друг от друга, тем ощутимее становилась их помощь стране.

ДИКОВИНКИ ЖИВОТНОГО МИРА

В борьбе за существование, чтобы укрыться от врагов и самому верней находить добычу, чтобы наилучшим образом приспособиться к условиям среды, животные постепенно приобрели самые разнообразные органы, самые разнообразные свойства. Иногда на первый взгляд эти особенности животных кажутся нам удивительными, загадочными. И только зная условия их жизни, мы постигаем их целесообразность.

Например, в теплых морях водится оригинальная рыба, — на ее носу имеется особый нарост. Днем этот нарост ничем не замечателен. А ночью он загорается довольно ярким фосфорическим светом. Светятся и небольшие наросты на особом выступе наружной стороны нижней челюсти. Эту рыбу называют рыбой-факелом. Но не подумайте, что фосфорический свет нужен рыбе, чтобы отыскать наилучший путь в воде. Светящиеся приспособления рыбы-факела служат для приманивания других рыб.

Есть другая крупная рыба — длина ее тела достигает иногда пяти метров. У этой рыбы есть замечательное средство защиты и нападения — меч. Этот меч — сильно вытянутые вперед челюсть и межчелюстная кость. Меч, а еще вернее было бы назвать его тараном, ибо он походит на таран подводной лодки капитана Немо, очень крепок. Не сдобровать тому животному, которое рискнет охотиться на рыбу-меч. Этот вооруженный мечом хищник водится в Атлантическом океане, встречается в Тихом, а иногда попадает и в Черном море.

На островах Малайского архипелага водится небольшая безобидная ящерица, которую называют летучим драконом. Свое грозное название ящерица получила потому, что у нее имеется особая склад-

ка кожи, расположенная по обеим сторонам ее тела. Когда ящерица перепрыгивает с ветки на ветку, эти складки напоминают раскрывшийся парашют. С помощью этого „парашюта“ ящерица совершает длинные прыжки, которые скорее походят на полет. Правда, в полете ящерице помогает еще ее длинный хвост, — он заменяет ей руль. Наверное в более поздние времена эту ящерицу назвали бы ящерицей-планеристом. Ее прыжки напоминают полеты планера. Когда надобности нет, летающий дракон складывает свой парашют наподобие веера.

Жуков и мух мы представляем себе с крыльями, способными летать. Но в Антарктике на Кергеленских островах есть необычайные жуки и мухи: они не умеют летать, и крылья их находятся в зачаточном состоянии. Удивительного в этом нет ничего. На этих островах дуют очень сильные ветры, и штормы здесь не редкость. Если бы насекомые могли летать, сильным порывом ветра их, без сомнения, унесло бы далеко в море.

В западных частях Атлантического океана можно увидеть замечательную рыбу. Большая рыба (ее длина достигает двух метров, вес — ста килограммов)... прыгает. Иногда она совершает прыжок на высоту до двух метров. Когда над поверхностью моря появляется вдруг неожиданно эта рыба, ее белая чешуя ярко сверкает в лучах солнца. Рыба кажется серебряной. Ее прозвали „серебряным королем“, хотя настоящее ее название тарпон. Конечно, большая, тяжелая рыба не может долго продержаться в воздухе; падая обратно в воду, она поднимает множество брызг вокруг себя. Принадлежит „серебряный король“ к семейству сельдевых.

Ис. Слоним

О СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ

БРАТЯ-БОЙЦЫ

Н. Мальцева

Мы часто говорим: народы Советского Союза — единая, дружная семья. Это значит, что они дружно трудятся, что у них одни и те же друзья и враги.

О том, как дружны народы Советского Союза, можно видеть на примере обороны нашего города: защищать Ленинград собрались люди самых разных национальностей, из разных концов нашей страны.

Сюда, под Ленинград, приехал из далекой суровой Якутии таежный охотник якут Ахат Ахметьянов. Здесь он стал снайпером и уничтожил двести девяносто фрицев. Он обучил искусству сверхметкой стрельбы сто двадцать восемь бойцов.

Другой мастер точного огня морской пехотинец Михаил Цушба — уроженец Абхазии. Солнечная горная страна на берегу Черного моря совсем не похожа на хмурые берега Балтики, где горцу доверена честь защищать Родину. Цушба ненавидит врагов и бьет их без промаха: из ста двадцати семи пуль — сто двадцать пять принесли смерть гитлеровцам.

Маленький Сарсембай Рустамбеков вырос в горах родного Казахстана. Там мальчик стал замечательным охотником-стрелком. А как пригодились ему искусство меткой стрельбы здесь, на Ленинградском фронте! „Фрицы хуже волка, — говорит он, — я ненавижу их всей душой“. И он охотится за немцами, как за волками.

Сколько бесстрашных, искусных снайперов защищали и защищают Ленинград! Это — замечательные люди, как Феодосий Смолячков, уроженец Белоруссии, зачинатель снайперского движения, как украинец Добрик, которому сам Андрей Александрович Жданов вручил именную снайперскую винтовку, как украинец Федор Дьяченко, уничтоживший свыше четырехсот фашистов, и многие другие, такие же отважные, которые под Ленинградом мстят немцу за свои разрушенные родные города и села.

Не будь войны, учитель Тешабай Адилев, наверное, продолжал бы жить в родной Фергане, где он учил грамоте узбекских мальчиков и девочек. Но началась война, и он оставил любимое дело. Когда он уезжал, его мать сказала ему на прощание: „Помни, защищая русские села и города, ты защищаешь свою мать!“

Адилев запомнил слова матери. Когда бойцы его части хотят похвалить кого-нибудь, они говорят: „Бьет по-адиловски“, потому что отважный узбек стал мастером из мастеров. Он участвовал в тридцати трех атаках, он истребил из своей снайперской винтовки сто четырнадцать фашистов, он заменил в бою выбывшего командира, он вынес

с поля боя раненого комбата и совершил много других славных дел.

Танкисты Ленинградского фронта должны быть особо опытными и умелыми, — здесь кругом топи и болота, по которым трудно провести танк. Два сына Татарии Галим Хамидуллин и Камиль Акчурин прославились как опытные умелые, водители танка.

Когда Хамидуллина пришлось идти на своей машине в атаку, он, искусно маневрируя, провел ее и через болото и через минное поле. Счет его мести велик: десять уничтоженных вражеских землянок, три дзота, два орудия, сто фрицев. И еще пленные, которых танкист захватил и доставил в штаб.

Не отстает от своих землянков и Шарифулла Газизов — мастер точного артиллерийского огня. Он уничтожил триста фрицев, четыре склада боеприпасов, восемь минометных батарей, шесть орудий, десять землянок, четырнадцать пулеметных гнезд.

Мы помним бессмертный подвиг пулеметчика узбека Каюма Рахманова. Он, израсходовав последнюю пулеметную ленту, отбивался пулеметом как дубинкой. Но врагов было слишком много, и, не желая сдаться в плен, Рахманов бросил последнюю гранату. Он погиб сам и уничтожил своих врагов.

Прославлено имя отважного из отважных, казаха Султана Баймагометова. Это он, чтобы заставить замолчать вражеский дзот, кинулся к его амбразуре и заслонил ее своим телом.

Среди летчиков, защищающих подступы к Ленинграду с воздуха, немало сыновей народов Советского Союза: белорусс Антоненко, первым из летчиков сбивший „Юнкерс“ на дальних подступах к городу, белорусс Оскаленко, своими подвигами заслуживший здесь почетное звание Героя Советского Союза, и армянин Нельсон Степанян, и азербайджанец Гуссейн Алиев Бала, который в одном бою получил семнадцать ран и, раненый, сбил шесть фашистских самолетов, и казах Саид Жалкышев — отважный летчик-штурмовик, и татарин Хусаин Абузаров — воздушный разведчик.

Мы рассказали только о некоторых бойцах — уроженцах разных советских республик. На самом деле их гораздо больше. Среди защитников Ленинграда есть люди всех национальностей. Есть, например, такие подразделения, в которых собрались бойцы двадцати двух национальностей. Все они сражаются плечом к плечу, как братья. У всех у них одна цель — разгромить фашистов, у всех у них одна мечта — завоевать победу.

Великая дружба народов Советского Союза, возникшая двадцать шесть лет тому назад, окрепла и закалилась в огне сражений Великой Отечественной войны.

★

Примеры, достойные подражания

В каждой ленинградской школе, в каждом пионерском отряде происходит много событий—больших и малых, хороших и плохих, грустных и веселых. Некоторые из этих событий могут быть интересны и всем читателям нашего журнала. В этом номере мы печатаем письма наших школьных корреспондентов о добрых и благородных начинаниях ленинградских ребят.

Наша редакция просит вас, читатели „Костра“, присылать заметки, рассказывающие о событиях вашей школьной и пионерской жизни—больших и малых, плохих и хороших, грустных и веселых.

НАСТОЯЩАЯ ДРУЖБА

Мне тринадцать лет, моей подруге Эмме—четырнадцать. С Эммой я дружу с начала занятий в школе. Эмма жила одна. Ее мама работает на оборонных работах. Жить одной Эмме было очень тяжело. Директор школы решил поместить Эмму в детский дом. Но я попросила свою маму о том, чтобы Эмма стала жить у нас. За одним столом мы с Эммой готовим уроки, но мы никогда не списываем друг у друга.

Эмма много пропустила в четвертом классе, и теперь ей учиться трудновато. Я помогаю Эмме по русскому и по арифметике. Писать стала она уже грамотнее и лучше решает задачи.

Вместе мы слушаем радиопередачи для школьников. Особенно нам понравились передачи „Том Сойер“ и „Добрыня Никитич“.

Мама приходит поздно с работы, мы с Эммой сами делаем всё по хозяйству: убираем комнату, пилим дрова, штопаем. Работать вдвоем весело и интересно. В хорошую погоду мы ходим гулять. Подолгу разговариваем обо всём, о чём думаем.

Лидя Смирнова, ученица 5-го класса „б“ 33-й школы Василеостровского района.

БЛАГОРОДНАЯ ЗАБОТА

В середине октября наша дружина получила письмо от ребят школы № 54 хутора Первая Синюха, Усть-Лабинского района, Краснодарского края, освобожденного Красной Армией от фашистских захватчиков.

Ребята писали нам о тех ужасах, которые им пришлось пережить во время хозяйничания немцев, и просили нас, ленинградских школьников, прислать им учебников, вставочек, художественной литературы. Мы отослали семь бандеролей с учебниками, тетрадями, книгами, а кроме того отправили

посылку с носильными вещами. Эти вещи собрали наши пионеры.

Накануне двадцать шестой годовщины Октября пионеры нашей дружины написали нашим новым товарищам такое письмо:

„Дорогие друзья!

Мы представляем, сколько вам пришлось пережить во время хозяйничания немцев. Мы испытали бомбежки, обстрелы, блокаду, но не знали немецкой неволи. Многие из нас потеряли близких и родных. Мы живем дружной единой семьей—пионерским отрядом.

...Вместе со всей страной мы бесконечно рады успехам нашей героической Красной Армии. Мы решили быть достойными успехов Красной Армии и учиться только на „отлично“ и „хорошо“...

Пишите нам, наши дорогие друзья. Нам очень интересно знать, как Вы живете, как учитесь.

Ваши ленинградские друзья“.

*Начальник штаба Люся Трегубова,
ученица 7-го класса 33-й школы Василеостровского района.*

ДЕЛО ЧЕСТИ

В нашей школе каждый старший класс шефствует над одним из младших классов.

Когда шла подготовка школы к зиме, старшенклассники застеклили и замазали окна в классах для младших, починили неисправные паркеты. Руководил этим председатель учкома Боря Фомин. Потом старшие классы взяли на себя заготовку дров для младших.

После уроков мы остаемся в школе, пилим, колем и носим дрова. Еще не было такого случая, чтобы хоть один ученик не вышел на работу.

Недавно учком, с согласия директора, решил организовать индивидуальное шефство старших над младшими.

Мы, старшенклассники, остаемся после занятий и помогаем младшим готовить уроки. Каждый старший ученик должен следить и за внешним видом прикрепленного к нему ученика.

*Сёма Косухин, ученик 9-го класса
79-й школы Приморского района.*

НАША „ТИМУРОВСКАЯ“

В начале первой четверти наша воспитательница читала нам книгу „Тимур и его команда“. Ребятам книга эта очень понравилась. Нам захотелось, чтобы у нас в классе была своя „Тимуровская команда“. Мы провели запись. В команду записались десять человек. На собрании меня выбрали начальником команды.

Однажды на двор привезли дрова. Мы думали, что это дрова для школьной столовой, и отправились переносить их. Когда мы пришли, сторож нам сказал, что это дрова жены фронтовика. Мы пошли к ней и предложили: „Хотите, мы поможем вам перетаскать дрова?“ Она очень нам обрадовалась.

Мы перенесли все бревна.

Жена фронтовика поблагодарила нас: „Молодцы вы, ребята! Большое вам спасибо!“

В другой раз мы пошли на Крестовский остров и помогли жене фронтовика Малиновской распилить дрова. А потом все дрова убрали в подвал.

Недавно в нашу команду записался еще один мальчик. Теперь нас одиннадцать, как в настоящей большой команде.

Бойцы нашей команды учатся хорошо. Плохих отметок нет. Учиться нам наша работа не мешает.

*Вова Степанов, ученик 3-го класса „Г“
52-й школы Приморского района.*

ТОВАРИЩЕСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

Ребята нашего 7-го класса очень дружны, и дисциплина в классе хорошая. Нарушителей дисциплины мы „берем в работу“.

Был у нас такой случай. Из другой школы поступил в наш класс ученик Марк К. За плохую дисциплину в прошлом учебном году его исключили из школы. И в нашем классе с первых же дней он стал себя вести безобразно. Его вызвал к себе директор школы и отправил домой, сказав, чтобы без матери он в школу не являлся. Марк пришел в класс расстроенный, грустный и сказал нам:

— Ребята! Я решил исправиться. Попросите директора, чтобы меня оставили в классе.

Мы поверили ему и написали ходатайство директору школы. Мы просили оставить Марка в классе и поручились за него. Подписался весь класс. Директор удовлетворил нашу просьбу. С тех пор Марк стал исправляться.

В нашем классе большое место имеет взаимопомощь. Если один из учеников получил трудовой наряд: вымыть полы или вытереть парты и окна, то ему помогают и другие ребята.

Вторую четверть мы решили закончить без плохих отметок. Для этого мы прикрепили всех слабых учеников к сильным.

*Олег Агаверов, ученик 7-го класса
52-й школы Приморского района.*

МЕХАНИЧЕСКИЕ УШИ

Человек отстал от своих товарищей в лесу и заблудился. Он кричит, аует, чтобы по звуку ответного крика определить, в какую сторону надо ему идти.

— Ау - у! — доносится до него отдаленный крик.

Человек напрягает слух: он поворачивает голову по направлению крика. Делает он это не спроста: он старается повернуть голову так, чтобы услышать крик как можно яснее. Ведь у человека не одно ухо, а два, и тогда, когда каждое его ухо различит звук одинаково отчетливо, человек стоит лицом к источнику звука.

Тогда человек уверенно идет в ту сторону, откуда донесся до него ответный крик.

Эта особенность слуха человека нередко использовалась в целях войны. Например, во время мировой войны 1914—1918 годов, когда не были изобретены звукоулавливатели, ставили особых слухачей, чтобы они улавливали по звуку приближающиеся неприятельские цеппелины. Обычно в Лондоне, который подвергался налетам германских

цеппелинов, ставили слепых слухачей, так как у них особо изощренный слух.

Звук могут улавливать и механические слухачи - звукоулавливатели, похожие на огромные рупоры громкоговорителей.

В звукоулавливателе две пары рупоров: одна пара служит только для горизонтальной ориентировки. Другая — для определения высоты летящего самолета.

Но как ни велики механические уши, они улавливают звук самолета всего за 20—25 километров.

А человек невооруженным ухом определяет звук его мотора на расстоянии 5—10 километров.

Разница не так уж велика, но все же она дает возможность на две — три минуты раньше подготовиться к встрече с врагом.

За две — три минуты современный самолет пролетит около двадцати — двадцати пяти километров. Это значит, что наши летчики-истребители успеют за эти минуты вылететь навстречу вражеским самолетам и начать бой до того, как враги приблизятся к цели.

И. Крафт

Рис. Н. Петровой

Чона шла осторожно, обходя высокие кочки, всматриваясь в рыжую, увядшую осоку по краю озера, изредка останавливаясь, чтобы еще раз оглядеть бугры. Тонкие ноги ее в стоптанных летних унтах согрелись, не так было холодно от ледяной болотной воды. Кое-где мох уже подмерзал, хрустел под ногами; во впадинах по утрам долго держался иней.

Пустое небо висело над тундрой, давно улетели птицы. Стало совсем тихо, и только непонятный гул доносился с берега, как прошлую зиму и раньше, хотя белый тяжелый лёд еще не придавил большой воды. Старый Харам стал совсем глухой, и не у кого было спросить, почему гудит берег.

Девочка вздохнула, наморщила лоб, запихала выскользящую из-под воротника длинную косицу, затем снова побрела вперед. Возле озера появились волки, а олененок был слишком нежный и слабый, чтобы долго бежать по кочкам.

При воспоминании о Просыпающей от Ветра, как Чона назвала свою питомицу, девочка ускорила шаг и, цепляясь за траву, стала взбираться на бугор. Здесь было открытое место, хищники не появлялись. Маленькая, покрасневшая от усилий девочка карабкалась вверх, изредка останавливаясь передохнуть и оглянуться.

— Просыпающаяся от Ветра!.. — звала она ласково, потом сердито хмыкала: — Проклятый олень!..

Она нашла беглянку за камнем по ту сторону холма. Олененок спокойно жевал мох и при появлении девочки не шевельнулся.

Но как только Чона подошла ближе, он вдруг скакнул к кустам и, звякнув колокольцем, снова остановился.

— Просыпающаяся от Ветра, — сказала Чона, притворяясь равнодушной, хотя очень

обрадовалась, что, наконец, разыскала важеньку. — Мне совсем тебя не нужно. Я искала корни.

И, словно в подтверждение своих слов, она присела на корточки и грязными, покрасневшими от холода пальцами стала разрывать меховой покров. В то же время внимательно следила за своей питомицей.

Но олененку тоже наскучило одиночество, он повернулся, мотнул головой с темными шишками вместо рогов, фыркнул и стремительно подбежал к девочке. Потом они спустились вниз, и Чона повела друга.

Ранней весной, когда еще снег укрывал бугры, старый Харам нашел в тундре издыхающую важеньку — оленью самку и рядом с ней ее детеныша. У кочки околевал огромный тощий волк. Хищник ослабел от голода, и у него нехватило сил справиться с оленем: защищаясь, важенька пробила ему копытом череп.

Олененка Харам принес домой и долго угрюмо глядел, как Чона в безмолвном восхищении сидела перед дрожащим маленьким животным.

С тех пор как пришла война, все стада угнали к горам и люди тоже ушли. Харам остался один с Чоной и старым быком Уленгутом. Старого оленя задрали волки, — их много развелось за эту зиму... Старик видел, что наступала дряхлость. Кто знает, может быть он проживет еще один снег и у девочки не будет даже оленя?

Глухой и равнодушный, сидел он возле вежи — земляного жилья, смотрел, как медленно оседает солнце, как над буграми поднимается пар. Огненной казалась озерная осока, золотились кучки трав. Глубокое безмолвие окружало равнину.

Теперь Чона вставала раньше, наскоро собирала для очага вереск, приносила воду. Маленькая и хлопотливая, тащила она боль-

шой пук корневищ, потом кожаное ведро, часто дышала, тужилась — и ни разу не отдыхала. Нужно было собрать кореньев, истолочь рыбу, накормить старика, затем приготовить еду своей питомице.

Оленёнок тогда был еще слишком мал, и его приходилось кормить похлебкой. Чона отдавала ему свое лакомство — сушеную рыбу и икру, подаренную прошлой зимой соседним рыбаком Салмой. Всякий раз, доставая две горсти из маленького мешка, Чона вздыхала, от огорчения и, не удержавшись, слизывала половину. Но остальное честно клала в котёл.

Потом она уходила к буграм, и маленькая питомица бежала рядом, неумело тыча своей влажной мордой в кусты и поросшие вереском камни. С вершины холма видны были береговые скалы, оттуда приходил снег.

Чона садилась на мох, укладывала возле себя оленёнка. Огромная равнина простиралась до самого края неба, белели горы. Дул ветер, шумела на кочках трава, медленно передвигалось солнце. Маленькая важенька дремала у камня, а потом, вскинув голову, настороженно прислушивалась. Словно ее разбудил шорох.

Осенью улетали птицы. Они летели высоко над тундрой, и гортанный крик их был слышен внизу. Чона слушала протяжные голоса, ей было жалко, что улетают птицы. Значит, скоро будет холодно и нельзя уйти далеко из вежи, взбираться на самые высокие бугры, брать с собою Просыпающуюся от Ветра. Зимой нужно сидеть в дымном жильё, слушать долгий трескучий кашель Харамы, следить, чтобы ночью волки не подошли к веже. Старик совсем ничего не слышал.

Когда раздавался недалекий вой хищника, она торопливо укрывала важеньку плетенкой из трав, выходила в непроглядную темень. Маленькая, вздрагивающая от страха и холода, долго размахивала горевшей головешкой и что-то кричала. Она очень боялась сама, и крик помогал храбриться. Потом закрывала дверь, обнимала подраставшего своего вскорыша.

— Не бойся,—говорила она нарочито громко, так, чтобы слышно было за дверью.—У нас много мужчин и много ружей.

Важеньке шло второе лето, она стала крепкой и сильной и уходила иной раз так далеко, что Чоне случалось долго искать ее по тундре. Просыпающаяся от Ветра часто стояла на бугре, задумчиво вытянув шею, словно к чему-то прислушиваясь. Светлый клочок ягеля свисал с ее мягких, увлажненных губ, в прозрачных глазах отражалось небо.

Девочка останавливалась и даже забывала отчитать свою подружку. Маленькая важенька становилась взрослой, может быть у нее скоро будет свой оленёнок. Чона от радости бросалась к ней через кусты и кочки, и животное теперь не убегало, а ласково терлось шеей о рукав запыхавшейся хозяйки.

А однажды, когда девочка заболела и не выходила из вежи четыре дня, Просыпающаяся от Ветра все эти дни простояла возле жилья. Она даже не пошла копытить мох, не пила воды. Тревожная и беспокойная, стояла она у входа и, побрякивая колокольцем, часто негромко мычала.

На берегу и в той стороне, куда спускалось солнце, шла война. Туда отправились люди со всей равнины, и Чона недоумевала: зачем они покинули тундру, если враги далеко? Харам говорил, что враги напали на русских и забирают у них всё: еду, припасы, оленей и даже стариков, не покидавших жилья. Может быть они совсем не придут сюда? Здесь ничего нет, только одни волки. Незачем напрасно итти в такую даль.

Однако беспокойный гром все чаще доносился с моря, и много раз она видела длинный и узкий свет, вспыхивающий до самого неба. А иногда странный гул раздавался с вышины, и какие-то маленькие, блестящие на солнце птицы пропадали за облаками. Это наверное птицы врагов, потому что русские не появлялись в тундре на птицах, а приезжали, как и все, на оленьих нартах. А впрочем, зачем ей бояться врагов? Никто не станет воевать с девочкой и стариком.

В тундре уже становилось холодно. Замерзли болота, тонкий лед сковал озеро, и можно было перебраться на другой берег, не обходя далеко по кочкам. Но снега еще не было, бурая трава и мох попрежнему укрывали бугры и низины, изредка дул ветер.

Молодая важенька снова уходила далеко от жилья, Чона не всегда могла за ней уследить. Наступила зима, нужно было починить теплую одежду для старика и себя, принести побольше сухого вереска. Целые дни девочка таскала корни и ветки, а потом долго, старательно разминала зубами куски высохшей оленьей шкуры для подшивки унтов. И лишь к концу дня, забеспокоившись, усталая и голодная, торопилась на поиски своей любимицы.

Бывали дни, когда, найдя важеньку далеко от жилья, она ночевала с ней где-нибудь в углублении под камнем, и тогда девочка не спала совсем, кряхтя от холода и страха

перед огромной ночной пустыней. Выл где-то волк, шумел ветер, и часто из мрака в стороне моря вспыхивал длинный яркий свет и снова угасал. Чона дрожала, еще крепче прижимала голову своего оленя.

— Ты спи, — шептала она ему на ухо. — Там ничего нет. Только ветер... Видишь, я тоже сплю.

Ни за что в мире она не осталась бы в этой мрачной темноте, но маленькая важенка была ее единственным другом.

И вот однажды, управившись раньше обычного, Чона пошла искать Просыпающуюся от Ветра. Чона несла половину лепешки, испеченной из остатков муки для Харамы. Старик сегодня совсем не вышел из вежи.

Было очень жалко старика. Он стал дряхлым и старым; все дни, согнувшись, сидел возле жилья. Даже не курил трубку, оставшуюся после сына, отца Чоны. Долгая жизнь кончалась, медленно уходили силы. Изредка он словно вспоминал о чем-то, пристально глядел на маленькую сироту. В глазах его появлялось беспокойство, он пробовал что-то сказать, а потом опять впадал в дремоту.

Чона вздохнула и ускорила шаг. Сейчас она встретит важенку, отдаст ей лепешку, потом они вместе пойдут к озеру. Там можно найти кореньев, мягких и сытных, если их хорошенько сварить в котле. Просыпающаяся от Ветра и старый Харам очень любили эту еду. Только бы скорей найти оленя!

Чона пробиралась между кочками, карабкалась на бугры. Мерзлая трава шуршала под ногами, звенели сосульки.

Всё время дул ветер, изредка прорывался снег. Стало темнее в тундре и совсем холодно. Будто сразу наступила зима.

Важенки нигде не было видно. Чона пробовала кричать, но равнина попрежнему оставалась немой и пустынной. Обеспокоенная и усталая девочка остановилась, еще раз посмотрела вокруг. И неожиданно услышала мощный нарастающий гул, доносившийся с вышины. Потом гул перешел в рев, и огромная железная птица пронеслась у нее почти над самой головой.

Девочка упала, а когда поднялась, вражеская птица летела над озером, и по тонкому голому льду, впереди нее, закинув голову, безудержно неслась Просыпающаяся от Ветра.

— Скорей! — закричала Чона, — скорей!

Но вражеская птица настигла олененка.

Тогда Чона не выдержала и побежала к озеру... Она уже добежала до береговой осоки, как вдруг птица поднялась вверх, что-то взметнулось и ухнуло на всю равнину. Закачалась земля, столб воды поднялся над озером, лопнул и покололся лёд. А на том месте, где бежала Просыпающаяся от Ветра, по темной воде медленно расходились круги. Олененка между ними не было видно.

До позднего вечера сидела Чона на берегу озера. Не слышала ветра и новых взрывов недалеко в тундре, не замечала холода. Потом встала и пошла к веже.

Но жилья тоже не было. Фашистский летчик, заметив дымок над вежей, кинул бомбу. Убитый Харам лежал возле вырванного с корнем верескового куста. Дымились, догорая, шесты, поддерживавшие крышу.

Наступали сумерки. В тундре становилось все темней и темней, ровной пеленой падал снег... Девочка очнулась, с трудом затащила узлы платка и медленно пошла к горам. Там живут русские. Теперь она знала, что у них и у нее был один враг.

ИСТОРИЯ С РОМАНСОМ

Л. Успенский

Рис. В. Конашевича

Есть у меня один приятель, Петя Козлов, ценитель хорошего ромansa.

Вот однажды этот Петя стоит туманным утром на посту около склада. И тихонько мурлычет себе под нос всякие романсы. Перед ним — луговинка. За ней — кустарник, переходящий в мелкий лес. За лесом — фронт.

Марширует Козлов взад и вперед.

А уже светает тихонечко. Густой туман такой над кустами пошел. На свету всегда особенно дрема клонит. И Петя заводит про себя чуть слышно серенаду:

„Выходи, о друг мой нежный,
Бил свиданья час!“

Спел раз, спел два, потом насторожился. Слышит он, что на его призыв кто-то откликается. Зашевелился в кустах. Выходит! И выходит из самой гущи, со стороны немцев. Да еще как смело торопится: валом валит, без всяких предосторожностей. Кусты так и раздаются.

Затоптался Петя на месте, смотрит туда-сюда... Потом по всей строгости устава спрашивает: „Стой! Кто идет?“

Однако гость, имея в виду, что „бил свиданья час“, ни с чем не считается и валит в тумане все ближе, да ближе.

Петя Козлов, по правилам, репетует оклик: „Кто там? Что пропуск?“

Никаких пропусков!

Петя в третий раз: „На месте! Приставить ногу!“ И поскольку этот его неведомый нежный друг ноги не приставляет, а, наоборот, выкатывается в тумане на лужок, Петя — бац из винтовки! Тут страшно

рявкнуло в кустах. Как кинется! И поперек полянки перед Петей Козловым огромный медведище в страшном испуге мчится. Через пашню, через болотце, в мелкий соснячок... И прямо вдоль фронта направляется на участок соседей.

Дальше, дальше треск... Потом слышно, как его тамошние часовые в недоумении окликают. А он катит напролом... Вот пулеметная очередь. Опять отчаянный рев. Ясно можно расслышать, как несчастный зверь от такого приема поворачивает в панике круто вправо и устремляется прямо к немцам. Что есть духу врывается на передний край немецкой обороны.

Ну, немцы — испугались. А тут в молочной утренней мгле такое чрезвычайное событие! Атакуют кто-то с диким ревом немецкий передний край. Черный. Здоровенный. Отчаянный. Напролом прет! Ну, дело ясное: это — русс матрозе.

И что у них тут такое поднялось, — неопишимо. Застрекотало, затрещало... Штук десять пулеметов кинжальным огнем бьют! Автоматы так и рассыпались. Миномет в ход пошел. Из себя выходят немцы. Можно сказать, бешено сопротивляются.

Ну, а ведь наши-то на соседних участках не осведомлены, из-за чего сыр-бор загорелся. Видят: немец пришел в иступление, палит сразу во все стороны. Надо полагать, он что-то задумал. Дать ему в таком случае все, что полагается! И — дали... До полудня над фронтом в этом месте дым стоял. Вот видите, какие бывают происшествия.

ПОГАШЕННЫЙ СВЕТ

Долгое время казалось невозможным увидеть подводную лодку, затаившуюся в глубине моря.

А между тем лишить подводную лодку ее главного преимущества — невидимости — было необходимо. Это значило лишить морского хищника возможности наносить страшные своей неожиданностью удары.

Подводная лодка видит своего врага с помощью перископа. Но никакой перископ, бинокль, подзорная труба не способны разглядеть в толще воды подводную лодку.

Разве может прибор уловить слабый свет, рассеянный подводной лодкой в лучах света, отраженного от поверхности воды?

Казалось безнадежным изобрести прибор, который умел бы поглощать одни лучи и не поглощать других.

И все-таки такой прибор был найден. И вы, наверное, не раз видели его на уроках физики.

Есть такие вещества — „поляроиды“, они обладают чудесным свойством поглощать колебания светового луча, кроме колебания в одном каком-нибудь направлении. Это явление называется поляризацией. Вы смотрите на свет лампы или свечи через две тоненькие пластинки, вращаете одну пластинку относительно другой, и свет то меркнет, то усиливается. Вышедший из первой пластинки — „поляризатора“ — луч потерял, например, вертикальные колебания и сохранил лишь горизонтальные. Во второй пластинке — „анализаторе“ — поглощаются как раз горизонтальные колебания,

луч сквозь нее не прошел. Вы не увидели света, он померк.

Поверхность моря подобна поляризатору. И свет, отраженный от поверхности моря, поляризован: его колебания происходят только в одном направлении.

И если смотреть на поверхность морской воды через анализатор и вращать его, то можно погасить свет, отраженный от поверхности моря. Теперь он не помешает нам увидеть свет, рассеянный подводной лодкой.

Так поляризация помогает людям бороться с подводными лодками. Явление поляризации ученые знали давно. Но кристаллы поляроидов были слишком малы и дороги для того, чтобы пользоваться ими широко.

Раньше изготовляли поляроиды из некоторых минералов. А теперь делают искусственные поляроиды. Их можно изготовить в виде огромных пластин для вагонных стекол, для автомобильных фар.

Бывает, что поезд долгие часы мчится по жаркой, накаленной пустыне. В вагонах нестерпимо душно, люди изнывают от палящих лучей солнца, укрыться негде. Но если окна вагона застеклены поляроидами, то достаточно повернуть рычажок, — и палящие лучи не проникнут в купе. Несмотря на зной, люди не будут испытывать больше жары. Такие „поляроидные“ окна сделаны в вагонах флоридского экспресса.

Не мало несчастных случаев происходило, когда шофер, ослепленный светом встречной машины, не замечал того, что находилось у него перед глазами. А теперь он видит все предметы, освещенные светом собственных фар, и встречный свет не слепит ему больше глаз. Но для этого, конечно, и фары его собственной и встречной машины и защитное стекло машины — все это должно быть сделано из поляроидов.

С. Врасский

СОДЕРЖАНИЕ

Светочу мира. (Из песни акынов)	1	Диковинки животного мира. Ис. Слоним.	16
Гимн Советского Союза. Текст Сергея Михалкова и Эль-Регистана	2	О смелых и отважных:	
Недолгая дружба. Расск. В. Саянова. Рис. О. Медельского	4	Братья — бойцы. Очерк Н. Мальцевой	17
Головоломка „Магический квадрат“	6	Примеры, достойные подражания	18
Друг детей. Н. Штейнварг	7	Олененок. Рассказ И. Кратта. Рис. Н. Петровой	20
Три встречи.	8	История с романсом. Л. Успенский. Рис. В. Конашевича	23
Наша Балтика. Стих. Б. Славнитского	10	Погашенный свет. С. Врасский	24
„Вот, братцы, что значит воинское обучение!“	11	Валерий Чкалов. 2-я стр. обложки	
Иван Бочок и его котелок. Сказка А. Флота	11	Сколько служит винтовка? 3-я стр. обложки	
Данила Кузьмич. Стих. С. Михалкова. Рис. Н. Петровой	12	На каком расстоянии? 3-я стр. обложки	
Молодые металлисты. О. Кузнецова. Фото Союзкинохроники	14	Ученик. Стих. Л. Хаустова. Рис. В. Бомаш. 4-я стр. обложки	

На обложке рисунок Н. Петровой „Готовим подарки бойцам“.

цех-5883

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ.
Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакция: Г. Яблонская (отв. редактор), Ф. Октябрьская, Л. Успенский, Н. Штейнварг и Н. Терebinская.

Подписано к печати 11/1 1944 г. 3 печ. лист. В печ. лист. 25.000. тип. зн. Зак. № 1902. М 00463. Авт. л. 2,7. Тираж 7.000 экз.
ЛТ УН-9

1944 г.
Акт № 517/
Вкладн. л. 15

СКОЛЬКО СЛУЖИТ ВИНТОВКА ?

Долгие века люди считали, что самый короткий промежуток времени — это миг, время, которое человек затрачивает, чтобы мигнуть. Это мгновение так коротко, что мы его не замечаем: оно длится всего 0,3 секунды.

Этот промежуток времени, конечно, очень мал, но еще не самый короткий. Взрыв заряда пороха в патроне винтовки образца 1891—1931 года протекает еще быстрее. Этот промежуток времени равен всего 0,0015 секунды. Он настолько быстротечен, что его трудно даже себе представить. Достаточно сказать, что время выстрела происходит в двести раз быстрее одного мигания.

Чтобы понять, насколько велика эта разница, можно сравнить скорость выстрела со скоростью сверхскоростного самолета, а скорость мигания со скоростью пешехода.

Теперь спрашивается: как долго служит винтовка? На этот вопрос обычно отвечают: винтовка служит десятилетиями.

Этот ответ не вполне точен. Действительно, винтовка существует иногда несколько десятилетий. Но время ее службы, то есть время ее полезной работы, несоизмеримо меньше.

В момент выстрела все части винтовки испытывают огромное напряжение. В очень короткое мгновение — в течение 0,0015 секунды — на стенки ствола винтовки давят

пороховые газы и давят с чудовищной силой — около трех тысяч атмосфер. Насколько велико это давление, можно судить по тому, что оно в пятьдесят раз больше того давления, которое испытывают стенки парового котла.

Стенки ствола винтовки не разрываются при выстреле лишь только потому, что их делают особо прочными.

Температура горения пороховых газов во время выстрела доходит до двух с половиной — трех тысяч градусов. Какой это сильный жар, вы поймете, если вспомните, что жар примуса в три — четыре раза слабее.

Стенки ствола винтовки при выстреле не расплавляются лишь только потому, что выстрел продолжается ничтожно короткое время.

Понятно, что при выстреле винтовка изнашивается очень сильно. Стрелять из нее до бесконечности невозможно. Изготавливают винтовки с расчетом на тридцать тысяч выстрелов.

Каждый выстрел, как вы знаете, продолжается 0,0015 секунды. Теперь помножьте 0,0015 на 30000, — то, что вы получите, и будет временем службы винтовки. Это будут не десятилетия, и не годы, и не дни, и даже не минуты, а всего на всего секунды: 45 секунд.

Значит, винтовка может существовать десятилетиями, а служить — стрелять — она может немного больше полминуты.

★

НА КАКОМ РАССТОЯНИИ ?

Боец увидел неприятеля. Может ли он быстро сказать: какое расстояние отделяет его от врага?

Может. И каждый боец умеет это делать. Для этого надо запомнить, что на каком расстоянии можно разглядеть.

Если трудно отличить пехоту от кавалерии, значит расстояние до наблюдателя не меньше 1000 метров.

Если заметно движение идущего или бе-

гущего человека, значит он находится на расстоянии 800—700 метров.

С 400 — 300 метров уже можно различить фигуру человека.

С 200 метров можно разглядеть очертания ног человека.

С 150 метров отчетливо выделяются кисти рук и видно, как он одет и вооружен.

Запомни это и проверяй себя при прогулке. Это разовьет твою наблюдательность; пригодится тебе при военно-физкультурных занятиях, а в будущем, когда ты придешь в Красную Армию, сослужит тебе хорошую службу.

★

Ученик

Солнце в небе хмурится,
Желтое, как мёд.
По широкой улице
Ученик идет.

Улицу, где сказано,
Он переходил.
Сел в трамвай и сразу он
Деньги заплатил.

Он сидит на лавочке
И в окно глядит,
А в трамвай вдруг с палочкой
Входит инвалид.

Витя встал, видали мы, —
Место уступил,
Инвалид с медалями
Поблагодарил.

Он идет, подтянутый,
Ладный, как солдат,
Ремешок затянутый,
Сапоги блестят.

Это Витя Зольников —
Бравый паренек.
Правила для школьников
Знает назубок.

Встретил он учителя,
„Здравствуйте!“ — сказал.
Из трамвая видели:
Шапку приподнял.

Правила для школьников
Каждый час и миг
Так, как Витя Зольников,
Помни, ученик!

Л. Хаустов